

Чеснокова Ирина Анатольевна

МОДЕЛИРОВАНИЕ ВОЗМОЖНОГО МИРА В ПИСЬМЕ В БУДУЩЕЕ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматривается новая разновидность эпистолярного жанра - автоадресованное письмо в будущее, функционирующее в сети Интернет. В качестве одной из ведущих функций письма в будущее выделяется прогностическая функция. Установлено, что коэффициент онтодостижимости возможного мира будущего увеличивается в пределах следующего диапазона модальности: модальность реальности - модальность императивности - модальность ирреальности - модальность надежды.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/6-3/45.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(60): в 3-х ч. Ч. 3. С. 152-155. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/6-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.11'42:82-155

В статье рассматривается новая разновидность эпистолярного жанра – автоадресованное письмо в будущее, функционирующее в сети Интернет. В качестве одной из ведущих функций письма в будущее выделяется прогностическая функция. Установлено, что коэффициент онтодостижимости возможного мира будущего увеличивается в пределах следующего диапазона модальности: модальность реальности – модальность императивности – модальность ирреальности – модальность надежды.

Ключевые слова и фразы: возможный мир; письмо в будущее; автокоммуникация; онтодостижимость; категория модальности.

Чеснокова Ирина Анатольевна

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет
Irinka741@yandex.ru*

МОДЕЛИРОВАНИЕ ВОЗМОЖНОГО МИРА В ПИСЬМЕ В БУДУЩЕЕ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Для каждого человека вполне естественно стремление заглянуть в будущее и смоделировать его образ. Одним из способов реализации данной возможности является письмо в будущее – автокоммуникативное событие, функционирующее в сети Интернет. Авторы писем в будущее отправляют послания себе самим, задавая любую дату получения отправления (от одного дня до сотни лет). Субъект при этом распадается на двух иерархически неравных собеседников – «Я-настоящее» (автор) и «Я-будущее» (адресат), ведущих диалог через время и пространство [8].

Одной из основных функций письма в будущее является прогностическая, заключающаяся в предсказании возможных будущих событий. В письмах в будущее авторы моделируют эпистемически возможный мир и себя в нем, основываясь, с одной стороны, на фактах реальной действительности, а с другой стороны, на своих мечтах и желаниях. Ведущая роль при конструировании возможного мира отводится категории модальности, позволяющей авторам писем варьировать степень онтодостижимости будущего, представляя возможные события как более/менее реальные. Цель статьи – определить коэффициент онтодостижимости возможного мира будущего и спектр оттенков модальности, используемых в письмах в процессе моделирования будущего.

Будущие события, как и сам будущий субъект, существуют виртуально, в возможном мире, как «недоналичествование» [7, с. 339]. Возможный мир – это вероятное положение дел по отношению к субъекту, который находится в мире реальном и проецирует свое реальное «я» в иные мыслительные пространства [5], трансформируя онтологию действительного мира. «Здесь и сейчас» автор формулирует пропозицию, которая может быть верифицирована как истинная/ложная только через определенное время. Положенные в основу сценариев будущего, пропозиции базируются на гипотетической референции. Алгоритмом, позволяющим переводить одну реальность в другую, является замена или трансформация референтов действительного мира на референты мира возможного [6, с. 35-36]. Преломляя в сознании и творчески преобразовывая экстралингвистическую действительность, субъект выбирает один из альтернативных входов в открытое пространство будущего, предвосхищая его наступление.

Несмотря на кажущуюся ирреальность автокоммуникативного события, отсроченного во времени, этот мир возможен как эпистемически, так и логически: *Gosh, this is crazy, kinda magical that you are reading this however far in the future* [15]. / *Черт, это круто, какой-то фокус в том, что ты читаешь это где-то далеко в будущем (здесь и далее перевод наш – И. Ч.)*. Авторские допущения о возможном развитии событий отражают результат его познавательной деятельности (пресуппозиции о внешней и внутренней жизни «эго») и не противоречат логике реального мира.

На первом этапе конструирования возможного мира будущего происходит трансформация координаты субъекта «Я». Поскольку Я-будущее еще не существует в объективной реальности, дистанцирование Я-автора от Я-адресата происходит естественным образом. Адресат – это проспективное Ты-Там-Тогда, для обращения к которому в 90% писем авторы используют местоимение 2-го лица *you* либо имя собственное в сочетании с прилагательным *future*: *Future, Andrew* / Будущий Эндрю. При этом автор осознает свою неотделимость от адресата (*I know you best because I am you* [22] / *Я знаю тебя лучше, потому что я – это ты*). Помимо этого, авторы используют несколько альтернативных вариантов персонального дейксиса (*Do you remember this time of your/my/our life?* [25] / *Ты помнишь это время в твоей/моей/нашей жизни?*) и конвергентное «МЫ» как схождение нескольких ипостасей личности в рамках одного субъекта (*Dear Future us* [12] / *Дорогое Будущее Мы*).

Координата «Там», фиксирующая местоположение Я-будущего, умозрительна, что побуждает автора использовать для ее определения следующие стратегии: 1) вербализовать свое незнание прямыми вопросами адресату: *Where are you now?* [10] / *Где ты сейчас?*; 2) выдвигать предположения, основываясь на знании ситуации: *Are you in or out of state? I know that right now I'm interested in going out of state* [24] / *Ты в штате*

или нет? Я знаю, что сейчас ты хочешь уехать оттуда; 3) представлять желаемое местонахождение с помощью глагола *hope*: *I hope that you are someplace you want to be* [26] / *Надеюсь, ты где-то там, где и хочешь быть*; 4) прогнозировать возможное местоположение с помощью модальных глаголов: *You now should be out of Nassau somewhere in the states...* [11] / *К этому времени ты должен быть не в Нассау, а где-нибудь в штатах...*; 5) выражать сомнения с помощью модальных слов с семантикой неуверенности: *Not sure if I will still be in Spain, if I am in heaven or hell* [14] / *Не уверен, буду ли я все еще в Испании, на небесах или в аду*; 6) использовать указательное местоимение с размытой семантикой: *How cold is it there right now?* [9] / *Холодно там сейчас?*

Момент получения письма, т.е. координата «Тогда», известен автору, поскольку проспективно отсчитывается им от даты отправления либо приурочивается к важной дате в будущем (день рождения, свадьба и т.д.).

В заданных таким образом субъектом пространственно-временных координатах разворачиваются гипотетические события, приобретающие в возможном мире разный онтологический статус. Основным актуализатором онтодостижимого мира является изъявительное наклонение (индикатив) [2], обозначающее осуществимое, реальное действие. Повелительное и сослагательное наклонения, актуализирующие значение ирреальной модальности, используются при конструировании онтонедостижимого или труднодостижимого мира. Более половины авторов писем (50,8%) считают мир будущего онтодостижимым и моделируют его с помощью форм изъявительного наклонения. В письмах в будущее в полной мере проявляется субъективный характер категории времени: ненаступившие, существующие виртуально события мыслятся субъектами, в зависимости от их восприятия и желания, как осуществляемые в настоящем (15,4%), осуществленные в прошлом (16,3%) или могущие быть осуществлены в будущем (19,1%).

В первом случае индивид дает себе психологическую установку на то, что в виртуальном будущем все уже происходит так, как он задумал, и выражает пропозицию видовременными формами *Present Simple* (*Who do you hang out with?* [16] / *С кем тусишь?*) или *Present Continuous* (*Making any money with them?* [19] / *Зарабатываешь на этом деньги?*). Тем самым создается «эффект присутствия», зримой осязательности гипотетического будущего.

Во втором случае, стремясь убедить себя в том, что прогнозы обязательно сбудутся, пишущие прибегают к исторической инверсии, при которой «изображается как уже случившееся в прошлом то, что на самом деле может быть или должно быть осуществлено только в будущем» [1, с. 183]. Виртуально автор проживает это событие в своем сознании и мыслит его как свершившийся факт, своеобразное «будущее в прошлом», выражая пропозицию формами *Past Simple* (*Did any family from Texas come up?* [19] / *Приезжала родня из Техаса?*) и *Present Perfect* (*Have you made any new friends?* [Ibidem] / *Появились новые друзья?*).

В момент получения письма виртуальная модель события может совпасть с реальным положением дел либо диссонировать с ним, произведя эффект обманутого ожидания. С точки зрения философской логики «прошлое уже нет», прошедшее время «выводит предмет мысли за рамки актуального настоящего» [27, р. 114], но в письме в будущее происходит логический сдвиг, когда «будущее = прошлое», т.е. «прошлое еще будет» или «будущее уже было». В отдельных случаях этот сдвиг сопровождается одновременной сменой парадигмы настоящего в точке «Я-здесь-сейчас» на парадигму прошлого: «Я-здесь-сейчас» мыслится с позиций будущего как свершенное событие. Это объясняется неканоническим характером эпистолярной коммуникации, предполагающим ориентацию не на момент речи адресанта, а на момент прочтения письма адресатом [4, с. 8-9]. Так, в следующем примере сдвиг временных пластов разрушает линейность и необратимость времени, создавая смысловую полифонию: *Do you remember what hell you went through to quit? I hope you also have kept up a healthy lifestyle. Remember how motivated you were at 25?* [20]. / *Помнишь, через какое дерьмо тебе пришлось пройти, чтобы завязать? Помнишь, какой целеустремленной ты была в 25?* То есть конструирование возможного мира сопровождается следующими трансформациями.

Шаг 1: в реальном мире «здесь и сейчас» мне 25 лет, и я знаю, что такие жизненные неприятности, связанные с преодолением себя.

Шаг 2: в будущем я буду вспоминать об этом. Ментальный скачок в будущее и его визуализация втягивают будущее в орбиту настоящего.

Шаг 3: воспоминание – это область прошлого, соответственно, реальное настоящее, о котором автор будет вспоминать в будущем, становится прошлым.

В итоге тектонический сдвиг темпоральных пластов создает динамичную полиморфную структуру, в которой настоящее = прошлое, а будущее = настоящее.

В случае с выбором видовременных форм будущего времени для представления возможного положения дел степень онтодостижимости снижается, поскольку когнитивное значение футуральности связано с модальными значениями желательности, необходимости предстоящего или предполагаемого действия. Спектр грамматических форм будущего, имплицитно подразумевающих нереализованное действие, представлен в письмах следующими видовременными формами: 1) *Future Simple*: *I will go abroad* [13]. / *Я поеду за границу*; 2) *Future Continuous*: *You will be graduating with your B.S. degree come June* [23]. / *В этом июне ты получишь диплом бакалавра*; 3) *Future Perfect*: *It's all so exciting, and you will have read/seen/heard it all* [18]. / *Это так заманчиво, и ты все это увидишь/ прочитаешь/ услышишь об этом*.

В отличие от индикатива повелительное наклонение не имеет временной отнесенности, а выражает побуждение к действию, т.е. имплицитно подразумевает не наступивший, а должный произойти в будущем акт.

«Использование императивов способствует тому, что гипотетические действия подаются как идентифицированные на основе знания, в связи с чем их осуществление становится как бы неизбежным» [3, с. 26-27]. Ядром поля функционально-семантической категории побудительности являются императивные предложения с глаголом в повелительном наклонении. Данные примеры зафиксированы в 41,2% писем в будущее, что подтверждает важность императивов в конструировании возможного мира. Директивы предполагают наличие у говорящего соответствующего желания, а их пропозициональное содержание состоит в том, что адресат совершит / не совершит некоторое действие в будущем.

Наименее частотными являются примеры сослагательного наклонения – 10,9%. Для сослагательного наклонения характерна модальность недействительности, выражающая следующий диапазон модальных оттенков: проблематичность, нереализованная возможность, пожелание и возможные предполагаемые последствия. При этом основным значением, выражаемым сослагательными конструкциями в письмах в будущее, является пожелание: *I wish "you" could tell "me" not to worry so much* [17]... / *Если бы «ты» могла сказать «мне», чтобы я не беспокоилась...*

В 40% писем сигналом перехода из мира действительного в возможный мир будущего является оператор эпистемической модальности *hope* и однокоренные производные глагола (*hopefully*), выражающие ожидание, надежду на положительный результат будущего события. Значение глагола усиливается интенсификаторами (*really, desperately* и т.д.): *I really, really, really hope you two are still friends* [21]. / *Я правда, правда, правда надеюсь, что вы двое все еще друзья*. Пропозиции глагола *hope* и его производных представлены настоящей (50%), прошедшей (40%) и футуральной темпоральными перспективами (10%).

Субъективный характер восприятия событий обуславливает интегрирование в слое «Я-Там-Тогда» в будущем разных средств выражения онтодостижимости возможного мира будущего. Авторы писем в будущее стремятся увеличить коэффициент онтодостижимости виртуального будущего в пределах диапазона модальности: модальность реальности (изъявительное наклонение) – модальность императивности (повелительное наклонение) – модальность ирреальности (сослагательное наклонение) – модальность надежды, сочетающая в себе признаки реальности и ирреальности (эпистемический оператор *hope*).

Список литературы

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 121-290.
2. Новикова А. В. Лингвистический анализ реализации возможных миров в художественном тексте [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... к. филол. н. URL: <http://cheloveknauka.com/lingvisticheskiy-analiz-realizatsii-vozmozhnyh-mirov-v-hudozhestvennom-tekste> (дата обращения: 04.04.2012).
3. Плотникова С. Н. Лингвистические аспекты выражения неискренности в английском языке: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2000. 42 с.
4. Подъяпольская О. Ю. Типология адресованности в текстах эпистолярного жанра (на материале писем Ф. Кафки): автореф. дисс. ... к. филол. н. Челябинск, 2004. 22 с.
5. Хинтикка Я. Логика в философии – философия логики // Хинтикка Я. Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980. С. 35-67.
6. Хлебодарова А. Г. Когнитивный сценарий дискурса мечты: конструирование возможного мира // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Иркутск, 2013. № 3 (24). С. 33-41.
7. Хоружий С. С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности // Хоружий С. С. О старом и новом. СПб.: Алетейя, 2000. С. 141-168.
8. Чеснокова И. А., Кобенко Ю. В. «Письмо в будущее» как автокоммуникативный гибридный жанр виртуального дискурса [Электронный ресурс]. URL: http://tverlingua.ru/archive/041/03_41.pdf (дата обращения: 04.03.2015).
9. <https://www.futureme.org/letter/1113362-futureme-letter> (дата обращения: 10.11.2015).
10. <https://www.futureme.org/letter/1194033-chuck-look-at-today-s-yourself> (дата обращения: 30.03.2015).
11. <https://www.futureme.org/letter/179161-subject> (дата обращения: 02.03.2016).
12. <https://www.futureme.org/letter/362424-a-tad-envious-and-a-bit-reminiscing> (дата обращения: 01.04.2016).
13. <https://www.futureme.org/letter/5121597-a-letter-from-the-past> (дата обращения: 14.02.2016).
14. <https://www.futureme.org/letter/5126906-a-letter-from-the-past> (дата обращения: 22.03.2016).
15. <https://www.futureme.org/letter/5284865-a-letter-from-july-20th-2011> (дата обращения: 13.03.2012).
16. <https://www.futureme.org/letter/6013369-a-letter-from-may-27th-2013> (дата обращения: 02.03.2016).
17. <https://www.futureme.org/letter/606353-dear-me-this-is-your-kick-in-the-ass-from-the-past> (дата обращения: 10.04.2016).
18. <https://www.futureme.org/letter/695047-dear-future-me-open-this-mer-you-sent-this-to-yourself-5-years-ago> (дата обращения: 14.02.2016).
19. <https://www.futureme.org/letter/7352226-happy-birthday-future-me> (дата обращения: 14.02.2016).
20. <https://www.futureme.org/letter/7499758-here-s-to-future-us-may-24th-2015> (дата обращения: 30.07.2015).
21. <https://www.futureme.org/letter/7524139-in-case-you-needed-to-hear-this> (дата обращения: 04.03.2016).
22. <https://www.futureme.org/letter/7606901-never-give-up-on-your-hopes-and-dreams> (дата обращения: 30.03.2016).
23. <https://www.futureme.org/letter/7644759-a-letter-from-august-11th-2015> (дата обращения: 13.11.2015).
24. <https://www.futureme.org/letter/7722484-hey-what-s-up-ariel> (дата обращения: 27.02.2015).
25. <https://www.futureme.org/letter/7764964-a-letter-from-october-6th-2015> (дата обращения: 20.10.2015).
26. <https://www.futureme.org/letter/966736-hello-gorgeous> (дата обращения: 18.03.2015).
27. Jespersen O. Syntax. Time and Tense // A Modern English Grammar on Historical Principles. Copenhagen: Munksgaard, 1931. Part IV. P. 64-88.

MODELING THE POSSIBLE WORLD IN THE LETTER TO FUTURE IN THE ENGLISH INTERNET-COMMUNICATION

Chesnokova Irina Anatol'evna

National Research Tomsk Polytechnic University

Irinka741@yandex.ru

The article examines the new type of epistolary genre – self-addressed letter to future functioning in the Internet. As one of the key functions of such a letter the author identifies prognostic function. According to the researcher, the coefficient of the possible world's ontological availability increases within the following modality range: modality of reality – modality of imperativeness – modality of irreality – modality of hope.

Key words and phrases: possible world; letter to future; auto-communication; ontological availability; category of modality.

УДК 8; 81'44

Статья на примере русского, английского и немецкого языков раскрывает понятие «орфографического слова», которое представляет собой способ обозначения слов и грамматических категорий языка посредством письменности в соответствии с принятыми нормами графики и орфографии. Автор рассматривает принятые на письме границы слова и их роль как в контексте выражения орфографических принципов, так и потенциальной возможности влияния орфографической нормы на типологическую классификацию языка в целом.

Ключевые слова и фразы: орфография; орфографическая норма; орфографическое слово; словоформа; синтетизм; аналитизм.

Чурляев Михаил Алексеевич

Московский городской педагогический университет

maledictus6@yandex.ru

РАЗДЕЛЬНОСТЬ НАПИСАНИЯ СЛОВ КАК ЭЛЕМЕНТ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ НОРМЫ

Орфография как раздел лингвистики стоит особняком по причине искусственного, конвенционального характера собственной природы и вторичности по отношению к другим уровням языка. Назначение орфографии – системно фиксировать слова языка в письменной (графической) форме.

Тем не менее одной из фундаментальных проблем в лингвистике является обилие совершенно различных интерпретаций понятия «слово» и невозможность установления его точных границ. В частности, А. Е. Кибрик высказывает замечание, что «в лингвистике давно уже испытывается острая неудовлетворенность из-за отсутствия определений самых необходимых, самых обиходных понятий, начиная с понятия “язык” и кончая понятиями “предложение” и “слово”» [10, с. 16]. Неоднозначность определения самого понятия «слово», в свою очередь, способна создавать последующие затруднения при взаимодействии с терминами и системами, отталкивающимися от данного понятия, одной из упомянутых систем и является орфография.

Орфография (от греч. ὀρθός – правильный и γράφειν – пишу) – это система правил, устанавливающая единообразное написание слов и их форм [8, с. 4].

Графика – инвентарь графических средств языка и система соотнесения графических средств с единицей звучания [11, с. 256].

Орфографическая норма – соответствие использованных букв системе правил; может рассматриваться со стороны:

- *объективных* факторов (соотношение «язык – письмо»);
- *субъективных* факторов (рефлексия носителей языка) [21, с. 76].

Согласно В. М. Алпатову, «в античности слово являлось первичной и по сути неопределяемой единицей анализа. Критерии членения текста на слова не были выработаны не только в античной и средневековой европейской традиции, но и в выросшей из нее языковедной науке вплоть до начала XX в.» [1, с. 33].

В. А. Кочергина выделяет понятие «орфографического слова», соотносящегося с «интуитивным членением текста», которое, по её мнению, «лежит вне каких-либо поставленных лингвистикой задач» [12, с. 82]. Например, древнеанглийские письменные тексты были склонны к написанию предлога слитно с последующим словом, а древнерусские не использовали пробелов вовсе.

Письменность возникла существенно позднее формирования устной речи и, не смотря на её огромную роль и незаменимый вклад в культурологическом плане, совершенно *необязательна* для функционирования языка как такового. До сих пор существуют и бесписьменные языки [13, с. 96]. В этой связи можно утверждать, что графический уровень языка – сугубо вторичен. Отсутствие у некоего бесписьменного языка орфографии не подразумевает отсутствия в этом языке фонем, морфем, слофовоформ, предложений.